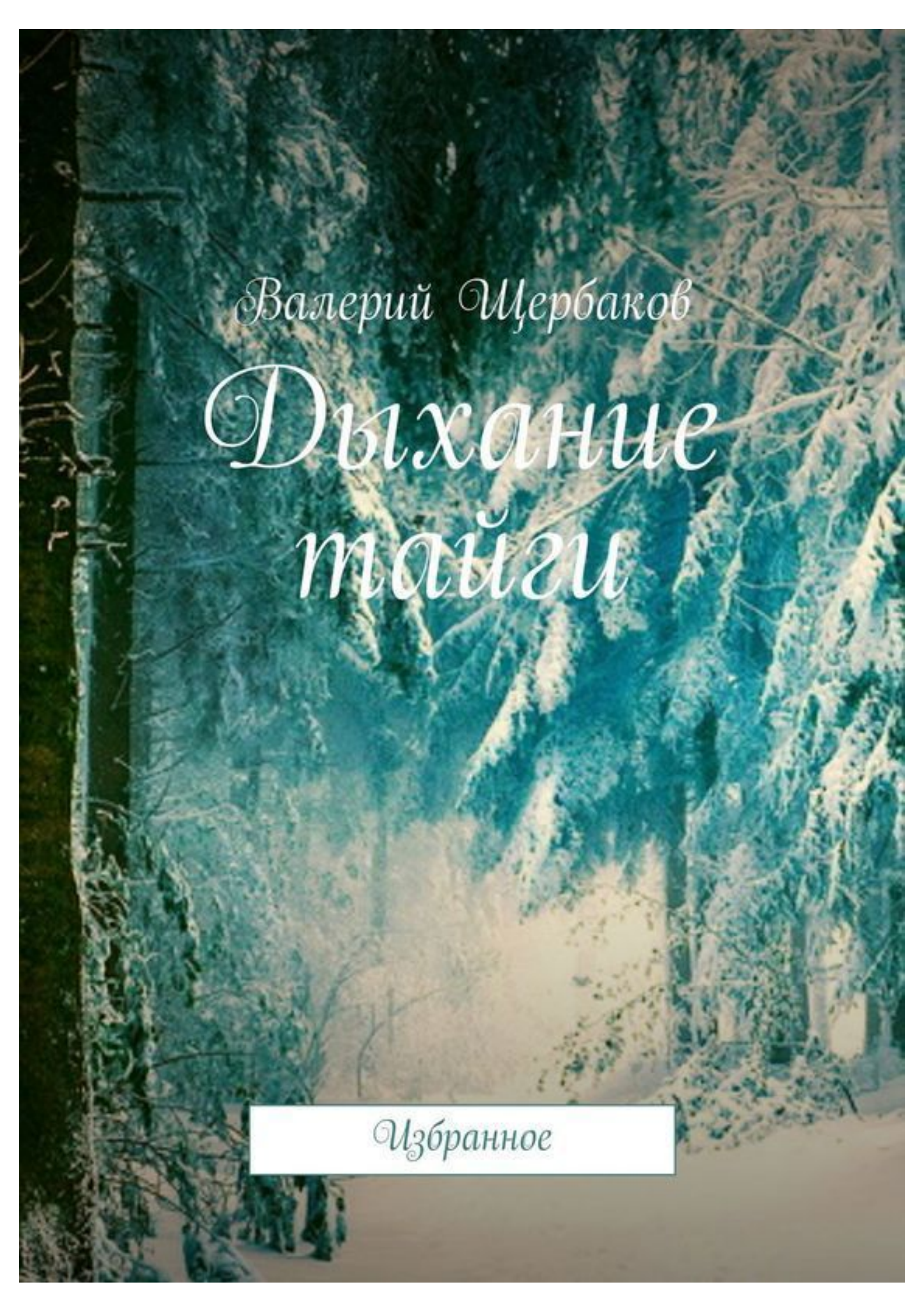

Валерий Цербаков

Дыхание тайги

Избранное

Валерий Щербаков

Дыхание тайги. Избранное

«Издательские решения»

Щербаков В.

Дыхание тайги. Избранное / В. Щербаков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839450-8

В сборник включены рассказы и стихи Валерия Щербакова. Автор просто и бесхитростно рассказывает о себе и о народной жизни в сибирской глубинке. Его рассказы говорят о глубоком понимании автором души и психологии простого русского человека. Во всех произведениях звучит любовь к сибирскому краю. «Вот он, край родной! Красивее места я и представить не могу!» Мысли Захара, героя одноимённого рассказа «Дыхание тайги», могут звучать эпиграфом к каждому произведению, включённому в данный сборник.

ISBN 978-5-44-839450-8

© Щербаков В.
© Издательские решения

Содержание

Медведь-шатун	6
Ангара	8
Дик	14
Хлеб с молоком	16
Таежная ягода брусника	18
Проводы в армию	19
Духи «Красная Москва»	21
Егоровы рассказы	23
Манчжурия	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Дыхание тайги Избранное

Валерий Щербаков

© Валерий Щербаков, 2017

ISBN 978-5-4483-9450-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Медведь-шатун

Случилось это на крайнем севере Иркутской области в селе, которое расположилось на берегу реки Нижняя Тунгуска. В этом селе я родился, здесь прошли мои детские годы, годы, в которые человек чист и звонок, как лесной ручей. В эти годы мир для тебя как огромная интересная книга, открытая на первой странице, а тебе так хочется побыстрее заглянуть дальше, пропустив несколько страниц. В том далеком детском возрасте мир, окружающий тебя, воспринимается намного тоньше, эмоциональней и восторженней, нежели в зрелые годы.

Те неповторимые картины и запахи моего детства нет-нет да проникают сквозь годы и навевают воспоминания. Воспоминания приятные и дорогие моему сердцу.

Родители мои в то время находились кто где. Мама училась в Иркутске, а отец был в экспедиции. Мне судьбой было предначертано оставаться в селе с бабушкой и ждать возвращения родителей.

В пятидесятые годы народ в деревнях жил, мягко говоря, очень скромно, не говоря уже о селениях, которые находились в непроходимой тайге. Связи с внешним миром практически не было. Наше село все же кое-какие преимущества имело. В период навигации, это около двух месяцев, сюда заглядывали по Тунгуске маленькие латаные, потертые суденышки.

Они доставляли почту и продукты в сельмаг с так называемой Большой земли. Эти суденышки привозили мне и бабушке письма от мамы.

Магазин в селе сразу преображался. На прилавках появлялись консервы, селедка бочковая и – радость местных охотников – спирт в поллитровках. Завозились также сахар, соль, спички и крупы. Из конфет я запомнил подушечки, вкусней их, казалось, ничего не было. Бабушка моя была очень энергичной и неутомимой женщиной. Она всегда успевала одной из первых закупить вновь привезенный в магазин товар.

– Во, Дуська уже нахватала, – ворчали женщины, стоя в очереди.

– Ша, бабы, – говорила моя бабуля, выходя из магазина

В руках она держала сетку, полную продуктов. Конечно же, там были и конфеты. Сетка была в крупную ячейку, и что в ней за продукты, было видно.

– Углядел, – говорила она, останавливаясь, – на уж.

Получив конфеты, я бежал за ней вприпрыжку.

Дорога наша к дому проходила по берегу реки. Берега этого я тогда боялся, он был очень обрывистым. Гляну вниз, и сердце замирает. Внизу, метров 20—25, шумит быстрая Тунгуска. Вижу, как по реке проплывают огромные бревна, коряги, уносясь, куда-то вдаль, в тайгу. Река меня завораживала, я забывал о дрожи в коленях, стоя на обрывистом берегу. Поражала красота высоких стройных сосен по ту сторону Тунгуски, казалось, я чувствовал их хвойный запах.

Этот запах воды, речной, замешанный с запахом тайги, часто доходил до меня, когда я находился очень далеко от тех родных и красивых мест. Это запах моего детства, и останется он со мной, видимо, до конца моего пути.

Жили мы на окраине села, у самого леса. Дом был небольшой, но добротный, рубленный из бревен. Дома в сибирских деревнях, они и по сей день те же самые или точно такие же, что были в те годы. За пятьдесят лет ушедшего в историю времени ничего практически не изменилось в лучшую сторону в сибирской глубинке. Все те же почерневшие да покосившиеся от времени небольшие бревенчатые дома, выпускающие дымок из своих труб, занесенные снегом по самые окна. Несмотря ни на что, бабушкин дом мне нравился и врезался в мою память на всю жизнь. У деда моего, судя по этому дому, руки были на своем месте, особенно мне нравились резные обналичники на окнах. Ни у кого из соседей таких

не было. Уже учась в классе пятом и находясь волею судьбы в Казахстане, я посмотрел фильм-сказку «Морозко», где увидел копию дома моих бабушки и дедушки. Тогда мое детское сердечко екнуло, этот дом в фильме показался мне до того родным и близким, и подумалось мне в тот момент: будет ли еще когда у меня на этой земле дом ближе, родней и дороже?! Деда своего, который срубил этот дом, я и не видел, погиб он в сентябре 1941 года. В доме висит его портрет, который бабушка часто нежно протирает от невидимой пыли, при этом крестится, что-то шепчет и вздыхает.

Много мужиков из села не вернулось с войны, и это было очень заметно, соотношение мужчин к женщинам примерно было один к пяти в пользу женщин. А те, кого пощадила или миновала война, почти круглый год находились в тайге, добывая пушного зверя. Даже в баню приходилось ходить с бабусей.

Это женское население лихо справлялось с любой работой: по дому и в огороде, запасали дрова на зиму, пахали землю, ходили на охоту, ловили рыбу. Зимой эту рыбу хранили прямо в огороде, натыкав ее в сугроб и присыпав снегом.

Вот как раз эта рыба и привлекла к нам ранним морозным утром нежданного гостя.

Снегу в ту зиму навалило сверх всякой нормы. Сугробы скрыли заборы, дверь в избу то и дело приходилось откапывать, если снег не откидывать, то в один прекрасный момент просто невозможно будет выйти из дому. Ночь была морозной, ниже сорока градусов – это точно. Проснулся я от холода, а спал на бабушкином сундуке, в котором она хранила, как мне тогда казалось, самые дорогие и очень ценные для нее вещи. Сундук был большой, стоял у печи, и мне на нем было очень уютно. Так вот, под утро я замерз и от холода проснулся.

Протерев глаза, увидел, что дверь в избу открыта, при таком морозе и открытой настежь двери немудрено замерзнуть и под пуховым одеялом. Накинув на себя одеяло, я выглянул во двор.

Картина, которую я увидел во дворе, сохранилась у меня в памяти со всеми подробностями, даже спустя уже полвека.

Я вижу огромного медведя, стоящего на задних лапах, во рту у которого большая рыбина. Рядом с ним моя бабушка, укутанная в шаль да в чунях на босу ногу. Одной рукой она придерживает шаль у горла, а в другой руке у нее полено, которым бабушка машет, устрашая нежданного гостя.

– Пошел отсюда, лешай, чучело лесное, – слышу я ее голос.

Медведь некоторое время удивленно смотрит на нее, не двигаясь с места.

– Иди, милай, иди с миром, – слышу я уже совсем в другой тональности нежно поющий голос моей бабули. Медведь встал на все четыре лапы, еще раз посмотрел в ее сторону и резко метнулся к лесу, унося с собой во рту мерзлую рыбину.

– Быстро в избу! – совсем не певучий голос услышал я и понял, что это уже в мой адрес. Я пулей влетел на сундук и залез под одеяло. Бабушка медленно вошла в избу, плотно закрыла дверь, подошла к иконам, стоящим в углу, и стала креститься, что-то приговаривая.

На этот раз голос ее дрожал.

Медведи-шатуны появлялись в деревнях по вине нерадивых охотников. Спугнут те по своей неосторожности бедолагу, вот он и шатается в поисках пищи, покинув свою берлогу.

Только взмахни он тогда лапой, и лишился бы я своей отчаянной бабушки, но, видимо, женская решительность поразила и медведя.

Ангара

Было мне в ту пору девять лет. Повез меня отец на период летних каникул к бабушке с дедушкой в деревню Налюры. Эта деревня располагалась у самого берега реки Ангары. Добирались туда очень долго. Вначале поездом, потом ехали на попутной машине, стареньком самосвале.

– Все, дальше дороги нет, добраться можно только на лошади или пешком, – сказал водитель.

Нам повезло: в Налюры направлялась почтовая лошадь с телегой. Почтальон с радостью взял попутчиков.

— Мигом доставлю, — пообещал он, обращаясь к нам.

На вид ему было лет пятьдесят. Добродушное небритое лицо почтальона светилось улыбкой. В зубах у него была самокрутка из газеты, на голове кепка с засаленным козырьком, на плечах защитный плащ, на ногах выдавшие виды кирзовые сапоги.

– Семеном меня кличут, а вы кто будете? – спросил он скрипучим голосом, обдавая меня едким дымом махорки.

– Мы Саватеевы, – ответил отец.

– Ну как же, знаю, в Налюрах Саватеевых полдеревни, – оживился наш возница.

Отец сел с ним рядом, я расположился в конце телеги на свежем пучке сена. Семен тряхнул вожжами, ударив слегка ими лошадь, и прокричал:

— Но-о, но-о, но-о-о!

Лошадь медленно тронулась, телега закрипела. Я улегся поудобней, дорога свернула в лес. Был июль месяц, день выдался теплый и солнечный, надо мной качались верхушки деревьев, сквозь которые проглядывало нежно-голубое небо.

Отец с Семеном о чем-то разговаривали, а я погрузился в свои мысли. Лес меня всегда завораживал, это был своеобразный живой мир, разный и неповторимый во все времена года. Летний лес был самый живой и звонкий. Отовсюду доносился щебет птиц, в воздухе жужжали комары, под колесами иногда трещали сухие ветки. Я с жадностью вдыхал свежий лесной воздух, насыщенный ароматами трав и хвои. Ко всему этому лесному аромату при­мешивался неуловимый тонкий запах чего-то для меня нового, обладающего чистотой, свежестью и прохладой. Тогда я еще не знал, что это запах Ангары, и мы к ней приближались. Лежа в покачивающейся телеге, опьяненный лесными запахами, я заснул.

Проснулся, когда солнце уже стало садиться. Лес мы давно уже миновали. Воздух вокруг был наполнен какой-то звенящей свежестью. Я приподнялся и вдалеке увидел реку. Это была красавица Ангара. Раскаленный шар солнца касался краем ее воды. По воде шли алые отраженные блики. Картина была неповторимой. Мы приближались к берегу реки. Красавица Ангара рядом несла свои чистые голубые воды, издавая шум и обдавая нас свежестью. По мере приближения к реке становилось прохладней. Дорога пошла вдоль берега реки. Семен что-то говорил отцу, показывая на Ангару, слова его тонули в шуме, который издавала она. Картина, представшая нашему взору, поразила своей величавостью. Ярко-алое солнце медленно опускалось в бирюзовые воды Ангары. В месте касания солнца с рекой образовались красивые оранжевые лучи, которые озаряли поверхность реки и делали ее сказочно красивой. Алый цвет стелился по всему берегу, поля зазелели, наша лошадь стала алой с ярко-золотистой гривой. Я подумал, что эта красота исходит от слияния двух волшебников: реки и солнца.

– До деревни уже недалеко, – раздался голос Семена.

Дорога повернула влево и стала удаляться от Ангары. Начало смеркаться. Справа от дороги мы увидели трактор. Обе двери у трактора были открыты, и вокруг ни души. Мы остановились.

– Может, сломался? – произнес отец.

– Точно сломался, – с улыбкой сказал Семен и щелкнул себя ладошкой по горлу.

– На днях, видать, получку давали, вот тракторист и сломался, – пояснил он.

Перед самой деревней мы наткнулись еще на один трактор. Он тоже стоял в одиночестве с открытой дверью.

– Точно получка была на днях, – уверенно сказал почтальон, показывая на трактор.

Дорога теперь уже свернула вправо, и через некоторое время я увидел небольшую деревню.

Дома в деревне все были деревянные, небольшие, с покосившимися заборами огородов.

Некоторые из домов были совсем ветхие, вдоль заборов – длинные поленицы дров. Когда мы въехали в деревню, стало совсем темно. Телега остановилась у дома с приоткрытыми воротами. Во дворе залаяла собака.

– Молчи, шельма, – услышали мы старческий голос.

Собака сразу умолкла. В воротах показался совсем седой и старый человек. Это был мой дед, звали его Денисом. Следом за дедом с лаем выбежала крупная собака.

– Фу, фу, свои! – крикнул громко дед.

Собака, повизгивая, завиляла хвостом. Дед и отец обнялись.

– Пойдемте в хату, дорогие гости, давно ждем вас, – пригласил дед, обращаясь к нам с отцом.

– Семен, и ты давай к столу, распрягай коня, – добавил он.

– Я мигом, – засуетился почтальон.

Уже в сенях нас встретила баба Нюра, со слезами на глазах она обняла и поцеловала отца и, заметив меня, всплеснула руками:

– Валерка-то какой стал!

– Ну, давайте, давайте в дом, – ворчал дед.

Посреди большой комнаты стоял стол, накрытый бабушкой. Семен тоже не заставил себя долго ждать. Уже через несколько минут он зашел в избу, вытирая только что помытые руки.

До глубокой ночи не умолкали голоса в доме. Старики рассказывали о своем житье-бытье, при этом успевая расспрашивать отца о жизни в городе.

– Валер, я тебе постелила, пойдем провожу, – сказала бабушка, видя, что я уже давно наелся и стал засыпать за столом. Она отвела меня в комнату, которую называла спальней, в этой комнате стояли две кровати.

– Вот сюда ложись, – сказала она, показывая на одну из кроватей.

Я разделся и юркнул под одеяло.

На следующий день утром проснулся я от громких детских голосов. Открыв глаза, увидел троих белобрых мальчуганов, как потом выяснилось, это были мои двоюродные братья. Самого старшего из них звали Ленкой. По годам он был мне ровесником. На нем, кроме трусов, из одежды ничего не было, впрочем, как и на остальных. Все лицо Ленки было усыпано веснушками, нос обгорел на солнце, его кончик был красным, и кожа на нем шелушилась. Братья были похожи друг на друга своим одеянием, грязными босыми ногами и взъерошенными на голове светлыми волосами. Второго из братьев звали Витькой, он был на года два младше Ленки и выглядел немного смуглей. Третьего звали Иваном, он был меньше всех ростом и по годам младше своих братьев. Ванька в упор смотрел на меня своими голубыми глазами, брови его и ресницы были белого цвета.

– А ну, шпана, давай к столу, чай пить будем, – громко произнес дед.

Ленька с Витькой быстро подсели к столу, я тоже успел одеться и сел на свободный стул у окна.

– А я не хочу чай, – сказал маленький Ванька, потупив глаза и руками теребя свои трусы.

– Ну а пироги будешь? – спросила бабушка.

Ванька быстро глянул на нее, улыбнулся и кивнул.

– Тогда все бегом во двор мыть руки, – скомандовал дед.

Братья один за другим выбежали во двор, я следом за ними. На дворе стоял солнечный летний день. С реки отдавало свежестью. Ленька с Витькой обливали друг друга холодной водой из рукомойника. Ванька же уселся на крылечко, наблюдая за братьями и вовсе не собираясь мыть руки. Набрав воды в ладони, я храбро плеснул ее в лицо, вода тогда мне показалась ледяной. Витька же, набрав воды в ладони и взбежав на крыльцо, вылил ее на голову Ваньке. Тот, вскрикнув, вскочил как ужаленный. Ленька с Витькой забежали в дом, я последовал за ними. Все уже сидели за столом, когда в избу зашел Ваня. Волосы у него были мокрыми, а на носу висела капля воды.

– Хорошо умылся? – спросил дед.

Ванька кивнул.

– Ну, садись за стол.

За столом братья не терялись. Насытившись и уже выходя из-за стола, каждый из них прихватил с собой по пирожку. Ленька махнул мне, приглашая с ними. Я тоже встал из-за стола.

– Наелись, ну идите, хлопцы, день хороший на дворе, нечего в избе сидеть, – сказал дед.

День был действительно чудесным, небо было ярко-голубым, пригревало солнышко. В воздухе щебеча парили стрижи. Электрические провода были облеплены стрижами. Их было так много, что не было свободного места. Одни птицы взлетали, другие тут же занимали их место. Ленька поднял руку и направил палец куда-то вверх.

– Ну что, поохотимся? – крикнул он и проскочил в дырку ветхого забора.

– Куда он? – спросил я.

– За рогаткой, – хором произнесли братья.

Через некоторое время Ленька появился, действительно держа в руках рогатку. Птицы были непуганы и смирненько сидели на проводах, не обращая никакого внимания на нас, они даже не подозревали, что им угрожает опасность.

– Давай за кучу, – скомандовал Ленька и, как бывалый охотник, залег за кучу высохшего навоза. Мы последовали его примеру. Первый выстрел был неудачным. Несколько стрижей лишь взмахнули крыльями, но не взлетели, камень пролетел рядом с ними. Столбы были невысокими, надо было только хорошо прицелиться, что Ленька и сделал. Прицелившись, он выстрелил второй раз, камень угодил в самую гущу стрижей. Один из них, не раскрыв крыльев, камнем упал вниз.

– Есть! – закричал Ленька.

Птица ударилась о землю и лежала неподвижно. Остальные же стрижи как будто ничего не заметили и так же смирно сидели на проводах. Ленька вошел в азарт, последовал второй выстрел, и снова упала птица на землю. Тут и во мне загорелся азарт охотника.

– Дай я попробую, – попросил я.

– Держи, – он протянул мне рогатку.

И вот уже я сбиваю стрижа, остальные птицы только слегка взмахивают крыльями, но остаются на месте. После нескольких промахов мне удастся сбить второго. Тут уже не выдерживает Витька, он выхватил у меня рогатку, только было прицелился, как все мы услышали громкий крик за спиной:

– Ах вы окаянные, вам бы камнем по голове, ишь чего удумали, неужели птиц не жалко, что они вам плохого сделали?!

Это была тетя Рая, мать моих новоявленных братьев.

– Вот сейчас возьму прут да каждого оттяну по заднице, будете знать, как птиц убивать.

Она и вправду подняла с земли прут и направилась в нашу сторону. Первым при виде матери рванул Витька, он с испугу перелетел через кучу навоза и растянулся пузом на земле, но быстро поднялся и побежал в сторону реки. Мы как по команде ринулись за ним.

– Сорванцы! – крикнула тетя Рая, пригрозив нам кулаком.

Бежали мы долго, не останавливаясь. Видя, что погони за нами нет, я остановился. Впереди было ярко-красное маковое поле. Подобной красоты я раньше не видел. Над головой небо синее, впереди маковое поле, а вдаль, за этим полем, бирюзовая Ангара.

Эта красочная картина навсегда запечатлелась в моей памяти. Стою, не шелохнусь, а рядом покачиваются на ветру маки, над которыми кружат пчелы, тут же летают стрижи, почти касаясь цветов, на лету хватая насекомых.

– Валерка, ты где? Догоняй! – слышу Ленкин голос.

В стороне вижу тропинку, видно, деревенские по ней добираются через маковое поле к Ангаре. Бегу по ней, догоняя своих братьев, а вокруг мелькают красные маки, в воздухе стоит неповторимый аромат цветов и луговых трав.

– Что ты там застрял? – снова слышу Ленку, но уже совсем рядом.

– Купаться будешь?

Поле с его ароматами осталось позади. Перед нами во всей красе предстала могучая сибирская красавица – река Ангара. Здесь уже были свои запахи: запах песка, запах реки, и отдаленно улавливался запах леса с того берега.

– Вот тут и будем купаться, – сказал Витька, показывая на холмик у реки.

– Здесь хорошо нырять, – добавил Ленка.

Братья на ходу скинули трусы. Ленка с Витькой нырнули почти одновременно. Ванька чуть поморщился, разогнался, подпрыгнул и столбиком, словно оловянный солдатик, сложив руки по швам, плюхнулся в воду. В это время по тропинке спустились еще двое с деревни. Мальчишка с виду лет пятнадцати и девчонка лет шести, как потом выяснилось, это были брат с сестрой. Мальчика звали Генкой, а его сестру Таньшей. Генка в одной руке держал удочку, а в другой ведро.

– Притащились, – услышал я недовольный Витькин голос.

Девочка посмотрела на купающихся братьев, искоса взглянула на меня и села на песок у самой реки.

– Ленка, как вода, теплая? – спросил Генка.

– Теплая, – крикнул тот, работая руками, как настоящий пловец.

Но Генка не стал купаться, он отошел от купальщиков влево, метров на десять, и забросил удочку.

– Валерка, ты что не купаешься, боишься? – крикнул Ленка.

Честно говоря, плавать я не умел, но виду не показал, да и стыдно было: Таньша на меня смотрела.

«Уж если Ванька тут плавает, то и я смогу», – подумал я.

Решительно забрался на холмик, вода в реке была чистая и прозрачная, даже дно видать, рыбешки так и снуют. Трусы, конечно, я не стал снимать, девчонка на меня смотрела, как мне тогда показалось, с иронией. Собравшись с духом, я прыгнул, при этом больно ударившись животом о воду. Вода в реке была ледяной. Я ожидал, что встану на дно, но дна ногами не ощутил, до меня дошло, что здесь глубоко. Из всех сил стал махать руками, но это мне не помогло, и я стал тонуть... Очнулся на берегу, надо мной наклонился мокрый Генка. Вода с его волос капала мне на лицо.

– Живой!!! – протяжно произнес Генка и тут же спросил:

– Зачем ты прыгал, если не умеешь плавать?

Я ему ничего не ответил. Вода попала и в нос, и в рот, меня тошнило.

– Ничего, плавать мы тебя научим, – сказал мой спаситель.

Накинув на меня рубаху, он пошел рыбачить на свое место. Братья показывались из воды только по пояс, так как трусы их были на берегу, где сидела Таньша. А она под села ко мне и спросила:

– Ты их брат?

Я кивнул.

– А где ты живешь? – не унималась она.

– Далеко, – ответил я.

В этот момент на берег выскочил совсем голый Ванька, в ладошках он нес воду. Подбежав к Таньше, он вылил воду ей на спину, схватил трусы братьев и прыгнул в реку.

Девочка от неожиданности вскрикнула.

– Дурак! – крикнула она и побежала к брату.

Генка, увидев сестру, готовую заплакать, сразу все понял и кулаком пригрозил Ваньке. В этот момент поплавок у его удочки утонул, он резко поднял удилище, на крючке болталась рыбина. Генка расплылся в улыбке, забыв обо всем. Мне стало интересно, и я подошел к нему поближе.

– Хорош! – радостно сказал он, снимая с крючка красавца окуня.

Окунь был действительно красавец. На его бирюзовом теле четко выделялись черные полосы, ртом он хватал воздух, показывая ярко-красные жабры, при этом растопырив свои красивые алые плавники.

Генка ловко снял окуня с крючка и бросил его в ведро с водой, приготовленное им специально для пойманной рыбы. Насадив свежего червя на крючок, при этом смачно плюнув на него, Генка снова забросил удочку. На моих глазах ведро быстро наполнялось рыбой, в нем уже плавали не только окуни, там было несколько лещей и даже небольшой сом с длинными усами.

– Сегодня вечером порыбачим, – сказал Ленька, видя, что рыбалка увлекла меня.

Братья накупались и лежали на песке, греясь на солнце.

– Пойдемте землянику поедим, – произнес Витька дрожащими и посиневшими от холода губами.

– Согремся – потом, – еле выговорил от дрожи Витька, зарываясь в теплый песок.

Наверху земляники было видимо-невидимо. Поднявшись, мы увидели луга, усыпанные этой вкусной ягодой.

– Вкусная! – произнес Ванька, горстями засыпая землянику в рот.

– У бабы еще вкуснее, – сказал Витька.

– Где у бабы? – поинтересовался я.

– На крыше, – ответил Ленька.

– Как на крыше? – удивился я.

– А что, пойдём, только тихо, чтобы дед не услышал, – добавил он.

Мы осторожно подошли к дому, во дворе никого не было. Собака было заворчала, но, увидев братьев, она замолкла и завиляла хвостом. За домом стояла лестница, по ней мы и забрались на крышу веранды. Почти по всей крыше стояли деревянные лотки, в которых на солнце сохла земляника. Ягода уже слегка подсохла. Братья, пройдя по крыше на цыпочках, тихо присели и стали уплетать землянику. Я тоже попробовал. Сухая ягода была действительно вкусной. Я ел ягоду и любовался сверху рекой. Красавица Ангара была передо мной. Перед моими глазами была картина неповторимой красоты. Широкая бирюзовая река с зелеными гористыми берегами, вытянутое вдоль берега красное маковое поле и голубое,

без единого облачка, небо. Сидя на крыше, я забыл обо всем, ел ягоду и любовался красотой сибирской красавицы реки.

– Дед во дворе, – шепотом произнес Ленька.

Слышно было, как стукнула дверь.

– Он зашел в дом, – сказав это, Ленька осторожно двинулся к лестнице.

Мы тоже, тихо ступая по крыше, пошли за ним. Все закончилось удачно, никто нас не заметил.

– Пошли к нам, кушать охота, – позвал Витька, обращаясь ко мне.

– Да, пойдёмте поедим, – поддержал его Ванька.

Вечером, как и было обещано Ленькой, мы отправились с ним на реку на рыбалку.

– Вечерний клев даже лучше, – сказал он с деловым видом.

Он дал мне удочку, сказав при этом, что ей рыбачил его отец.

«Раз отец ей рыбачил, значит, я точно поймаю рыбу», – подумал я.

Рыбалка была захватывающей и удачной: мы с Ленькой поймали по десятку хороших окуней. Не заметили, как солнце село и начало темнеть, стали одолевать комары.

– Все, хватит, а то сожрут, – сказал Ленька, отмахиваясь от комаров.

Подойдя к деревне, мы услышали музыку.

– Это в клубе танцы, – сообщил Ленька.

– Что такое любовь? – вдруг спросил он, обращаясь ко мне.

– Ну, это когда парень и девушка танцуют вместе, – не сразу ответил я.

– Да, и обнимаются, – согласился со мной Ленька.

Всю рыбу мы отдали бабушке, а дед, увидев улов, похвалил:

– Молодцы, сорванцы!

Вечером, лежа в постели, уставший за день, находясь под впечатлением от всего увиденного на Ангаре, я был рад по-мальчишески и по-настоящему счастлив от того, что до школы еще далеко и впереди у меня еще много таких дней, как этот.

Дик

Было это в отдаленной северной таежной деревеньке. Герою моей истории Данилке через два дня должно было исполниться семь лет. Он знал про это и ждал тот день с нетерпением, потому что все родные поздравляли его и дарили подарки.

«Что же подарят на этот раз?» – думал мальчик.

Он был обрадован и приятно удивлен, когда Егор, его отец, вручил Данилке щенка, сказав при этом:

– Возьми и воспитывай, будет нам охраной.

– Ладно, – произнес счастливый Данилка.

Пару дней мальчик ломал голову, как же его назвать. И наконец придумал короткое и звучное имя – Дик. Щенок был породы овчарки, оказался очень шустрым и понятливым. Через пару месяцев уже откликался на свое имя и выполнял кое-какие команды.

С утра до позднего вечера Данилка и Дик проводили вместе. Бегали, резвились на окраине деревни, иной раз пробегались по ближайшему лесу. Собака не отходила от мальчика.

Она обгоняла его, но видя, что он отстал, останавливалась и ждала его, высунув язык. Когда Данилка подбегал к ней, она лизала его в лицо, как бы говоря: «Не отставай!» – и снова убегала вперед.

По всему было видно, что собака и мальчик любили друг друга.

Прошел год с немногим, Дик превратился в умную, верную собаку. Многие боялись только одного его вида.

Дик вел себя умно, он не лаял зря на каждого прохожего, а лишь настораживался, готовый в любой момент броситься на чужака, посягнувшего на его территорию.

Единственный, на кого он лаял, так это Еремей, сосед, живущий через два дома. Еремей дразнил собаку, особенно когда был выпивший. Дик, видимо, чувствовал запах спиртного, да к тому же его нервировал злой вид соседа, оттого и невзлюбил он Еремею, и когда тот проходил мимо, грозно на него лаял. На всех остальных нормальных прохожих он реагировал спокойно.

Данилка души не чаял в своей собаке, и Дик обожал мальчишку.

Завидев возвращающегося из школы Данилку, Дик стрелой летел к нему, дружелюбно виляя хвостом, а приблизившись, лизал его лицо, и мальчик счастливо улыбался.

Однажды в начале лета, играя и убегая от Дика, Данилка углубился в лес.

Вдруг неожиданно мальчик почувствовал, как земля под ним провалилась, он полетел вниз. Приземлившись, ощутил, как на голову посыпались еловые ветки. Яма была достаточно глубокой. Такие ямы охотники делают для отлова зверья, маскируя их сверху ветками.

Данилка поднялся, взглянул вверх и увидел мечущегося Дика, от волнения, что друг оказался в беде, тот скулил и повизгивал.

Собака хотела, но не знала, как помочь ребенку!

– Дик! – позвал Данилка.

Собака, услышав его голос, встала на задние лапы и громко залаяла, как бы говоря:

– Я здесь!

Понимая, что Дик ему ничем не поможет, мальчик крикнул:

– Дик, домой, зови отца!

Собака металась вокруг ямы, не зная, что делать.

– Домой! – снова крикнул Данилка, надеясь, что Дик все-таки поймет его просьбу.

Сильно взвизгнув, собака исчезла...

Веря в друга Дика, мальчик присел на корточки и стал ждать.

В это время Дик огромными прыжками, поджав уши, пулей летел в деревню.

На счастье, отец был дома и что-то мастерил во дворе. Дик подбежал к нему, схватил зубами за штанину и стал тянуть со всей силы, при этом грозно рыча.

Сразу Егор ничего не понял:

– Что ты делаешь, где Данилка? – испуганно спросил он.

Собака не отпускала его штанину и пыталась тащить за собой.

Наконец, Егор сообразил:

– Что-то случилось? Где Данилка?!

Дик отпустил штанину и помчался к лесу. Егор еле поспевал за ним.

Собака, видя, что он отстает, приостановилась, немного подождав, а потом снова побежала, при этом стала лаять.

Данилка, сидя в яме, услышал этот знакомый лай и от радости запрыгал.

А увидев над собой морду Дика с вываленным языком, тяжело дышащим, закричал:

– Дик, Дик, Дик!!!

Подбежал и запыхавшийся Егор, сразу поняв, в чем дело, он отыскал подходящую еловую жердину, с помощью которой и вытащил из ямы сына. Потом наклонился и крепко прижал его к себе. У Данилки по щекам потекли слезы счастья. Между ними протиснулся Дик, визжа от радости. Отец с сыном одновременно стали его обнимать, а Дик в знак благодарности успевал каждого лизнуть в лицо, виляя своим хвостом.

Хлеб с молоком

Случилось это в 1966 году, стояла противная осенняя погода, было пасмурно, моросил нудный холодный дождь. Люди с зонтами быстро шагали, возвращаясь с работы домой. Я, в ту пору мне было десять лет, медленно шел, не замечая дождя. Зонтика не было, поэтому волосы на моей голове были мокрыми. Капли с них стекали по лбу и дальше, по щекам, за воротник. Я шел по лужам, особо их не обходя. В руке нес сетку в крупную ячейку, сквозь которую виднелась бутылка молока и булка хлеба.

Шел я в роддом, там лежала моя мама, которая несколько дней назад родила четвертого по счету сына. Среди них я был старшим. Отец ждал дочь, и когда узнал, что родился снова мальчик, с расстройства ушел в загул и наотрез отказался появляться в роддоме.

Мне было жалко маму, роды были у нее сложными, делали операцию.

Прошло несколько дней, но отец и не думал навестить мать. Роддом от нашего дома был неблизко, но дорогу я знал туда хорошо.

«Надо ей что-то купить», – подумал я, обшарив карманы и просмотрев все ящики в комод, в которые мама иногда убирала деньги, – я наскреб пятьдесят копеек. Зайдя в магазин, задумался, что же купить, и решил, что полезней всего сейчас для мамы будет хлеб да молоко...

Как сейчас помню, 24 копейки стоила бутылка молока и 22 копейки булка хлеба. Денег как раз на все хватало.

Пока я добрался до роддома, почти весь вымок.

– Ты к кому такой? – спросила санитарка, смотря на меня удивленным взглядом.

Я назвал имя и фамилию мамы. Санитарка стала искать по спискам, в какой палате лежит мама.

В этот момент подошел молодой мужчина и произнес:

– Ирине в 11-ю палату передайте, да, и вот еще записку, – добавил он.

«Надо тоже написать записку», – подумал я.

– Пожалуйста, дайте мне листочек бумаги и ручку, – попросил я у санитарки.

Она снова взглянула на меня тем же удивленным взглядом, но лист бумаги и ручку дала.

– В 7-й палате лежит твоя мама, – произнесла она.

На листочке я написал:

– Мама, я тебя люблю!

Записку свернул вчетверо и вместе с продуктами передал санитарке. Она посмотрела на сетку, на меня, потом снова на сетку, на меня. Чувствовалось, хотела что-то сказать, но так и не сказала, просто взяла сетку и записку.

Уже поднимаясь по лестнице, она крикнула:

– Подожди меня тут!

– Ладно, – сказал я, вытирая на лице воду, стекавшую с мокрых волос.

Через некоторое время санитарка подошла ко мне и сказала:

– У окна тебя будет ждать мама, ее палата на втором этаже, выйдешь на улицу и увидишь.

– Спасибо! – ответил я и выбежал на улицу.

Действительно, у окна на втором этаже я увидел свою маму.

Она, увидев меня, заулыбалась и стала махать мне рукой. Другой рукой она держала небольшой сверток, это был мой еще один родившийся братишка.

Я стоял внизу, мама на втором этаже, мы смотрели друг на друга и улыбались.

Лил дождь, и мама махнула мне рукой, как бы говоря:

– Иди, не мокни.

На следующий день после школы я сдал пару молочных бутылок, снова наскреб на хлеб с молоком и отправился в роддом.

Санитарка меня сразу же узнала, посмотрела на то, что я передаю, и спросила:

– Отца нет, что ли?

Я промолчал.

– Иди к окну, я ей скажу, она подойдет, – сказала она.

– Да, вот еще передайте, – спохватился я, протягивая ей записку.

В ней написал: «Мама, мы тебя любим и ждем».

Я уже знал, какое окошко. Встал напротив и стал ждать.

Через некоторое время в этом окне я увидел маму. Она мне улыбалась, а по щекам текли слезы.

В одной руке она держала мою записку, а в другой носовой платочек, которым утирала слезы на глазах. Я увидел, как она повернулась и кому-то что-то сказала. К окну подошли еще несколько женщин, которые смотрели на меня и тоже улыбались.

Одна из них, улыбаясь, в одной руке держала бутылку молока, а другую, сжатую в кулак и с поднятым вверх большим пальцем, показывала мне, как бы говоря, что ничего нет вкуснее этого хлеба с молоком.

Мама смотрела на меня, продолжала что-то говорить женщинам и плакала.

Таежная ягода брусника

По всей избе чувствовался приятный запах вареной брусники. Мария, женщина лет сорока пяти, хлопотала у печи. Добавив в кастрюлю немного воды, чтобы варенье не подгорало, помешивала ягоду ложкой. Боровая ягода, боровинка, которую в народе называют брусникой. О целебности этой ягоды, особенно ее листьев, знает каждый сибиряк. Листья собирают ранней весной, прямо из-под снега, а вот ягоду собирают по осени – в сентябре, бывает в октябре. Чем теплей таежное лето, тем слаще боровинка.

Помешивая варенье, Мария улыбалась, она вспоминала случай из своей жизни, непосредственно связанный с этой ягодой.

Марии в ту пору было двадцать лет, была она на седьмом месяце беременности первенцем.

Лето в тот год было жарким, брусники уродилось видимо-невидимо. Ягода была крупной и сладкой. Деревенские девки приносили полными лукошками сочную бруснику с тайги. Несмотря на беременность, Мария от них не отставала.

– Пожалей себя, – ворчал дед, видя, как она в очередной раз собирается в тайгу по ягоде.

– Хватит нам до следующей осени твоей боровинки, – уже вслед ей произнес дед.

Ягодниц собралось несколько женщин. Был обычный осенний теплый день. Брусники было много – только не ленись, собирай. Мария быстро набрала свое лукошко и присела отдохнуть. Ноги гудели, чувствовалась усталость.

В тайге было тихо, только иногда кое-где доносился хруст сухих веток.

Вдруг за своей спиной она услышала шум. Мария привстала и обернулась.

Кем-то напуганные женщины бежали прямо на нее.

– Медведь! – прокричала одна из них, поравнявшись с Марией.

Еще несколько ягодниц с криком: «Беги!» – промчались мимо нее. Мария испугалась, замерла. Последние девки пробежали мимо, крича во все горло:

– Беги, медведь!

Мария схватила лукошко с ягодой и побежала, побежала быстро, как могла.

За спиной она слышала треск веток и чье-то неровное дыхание. Не пробежав и пяти метров, она споткнулась и упала, ягоды рассыпались. Упала удачно, на бок, рядом был пенек, Мария подползла к нему, пряча за него голову, замерла.

Кто-то промчался мимо, не останавливаясь, сильно треща валежником.

– Медведь, – мелькнуло в голове.

Через мгновение все стихло, в лесу воцарилась тишина.

Полежав еще немного, Мария встала, осмотрелась вокруг – никого не было. Собрав рассыпанную ягоду, она направилась в сторону деревни.

– Почему медведь пробежал мимо? – думала она.

– А может, он сам напугался женщин да убежал? Может, он почувствовал во мне ребенка да пожалел? – мелькнула у нее мысль.

В декабре она родила здорового, крепкого мальчишку и назвала его Михаилом...

И вот сейчас, готовя брусничное варенье, когда прошло уже много лет, она вспоминала тот случай в тайге.

Проводы в армию

Седьмые сутки нас держат в спортзале механического завода. На улицу никого не выпускают и новое пополнение не завозят. А вокруг помещения толпятся родственники. Команда вроде не секретная – восьмидесятая, морфлот. Непонятно, почему даже с родными нельзя пообщаться.

Сквозь окно вижу свою маму. Окна в спортзале высокие, снаружи грязные, но она тем не менее подпрыгивает, хочет среди новобранцев, прильнувших к стеклам, увидеть меня. Расталкиваю несколько матрасов, лежащих у окон и служащих нам постелями, приближаюсь к окну и начинаю махать руками. Но тщетно: мама меня не видит.

Вдруг появился полноватый мичман, он показал рукой в сторону автобусных остановок и что-то крикнул, провожающие нехотя стали отходить от окон.

А за окном была весна, весна 1975 года. Было тепло, навсегда запомнилось это голубое теплое весеннее небо. Вдруг у самого уха слышу команду: «В одну шеренгу становись!» – и вижу перед собой молодого усатенького лейтенанта.

Наконец-то должны были произойти какие-то события, которые обязаны были повлиять на нашу дальнейшую судьбу. До тошноты надоел этот пыльный зал, хотелось увидеть весеннее голубое небо, вдохнуть свежий воздух, увидеть родных.

Через несколько минут толпа наподобие солдатской шеренги стояла перед лейтенантом.

Новобранцы изрядно устали, томясь неделю в пыльном спортзале в ожидании своей дальнейшей судьбы и рады были любым переменам.

Наступила полная тишина.

– Сегодня в 19 часов наш эшелон отбывает, – как можно громче сказал лейтенант, чтобы всем было слышно.

– А пока привести себя в порядок, от клуба до железнодорожного вокзала пойдете строем. Разойдись!

На лицах у кого появились улыбки, у кого недоумение. Все думали об одном: куда повезут?

По форме сопровождающих офицеров мы догадывались, что повезут к морю. А вот к какому – вопрос.

Ровно в 18 часов, нас каким-никаким, а все-таки строем повели по центральной улице к железнодорожному вокзалу. В команде призывников было человек семьдесят, по краям бежала толпа провожающих. Тогда мне это напомнило майскую демонстрацию, не хватало только знамен.

Как сейчас помню, было 4 мая 1975 года.

Родственники призывников за время пути успевали пообщаться и передать котомки с продуктами. Вдруг я увидел маму со слезами на глазах, она держала в одной руке сумку, приготовленную для меня, а другой придерживала моего младшего брата Сашку. Бедные мои, они несколько дней подряд приходили к проклятому клубу, боялись, что не сумеют попрощаться: ведь день отправки никто не знал. До сих пор не пойму, к чему такая строжайшая тайна, вроде и не военное было время. Призывники были изрядно измучены, а провожающие – еще сильнее. Военный эшелон мы увидели на первом пути, двери состава были открыты, у каждой стоял офицер или матрос. Я надеялся, что нам дадут попрощаться, но не тут-то было.

Прозвучавшая громкая команда: «Призывники, по одному бегом к вагонам!» – посеяла в наших рядах панику. Каждый из провожающих старался обнять и поцеловать своего при-

зывника да передать хоть что-то на дорогу, по всей вероятности дальнюю. Я всем сердцем почувствовал: надо искать своих, другого такого момента уже не будет.

Милая мама моя с полными глазами слез оказалась рядом, я обнял ее, родную, успокаиваю, и, целуя, говорю:

– Не на войну ведь, мам.

А она мне в это время сумку сует в руку:

– Возьми, сынок, дорога дальняя.

Успел еще обнять Сашку, пожал ему руку и залетел в вагон. Все это было как во сне.

В вагоне было душно. Призывники почти все прильнули к окнам, выходящим на перрон. Я тоже притиснулся к окну. Хотелось еще раз увидеть своих, знал, что разлука надолго. На перроне было много провожающих, но своих я среди них не видел.

«Как может хрупкая женщина пробиться сквозь толпу провожающих», – с грустью думал я. Эшелон стоял еще с полчаса. Иногда мне казалось, что в толпе мелькнул платок моей мамы.

Вдруг вагон сильно дернулся и замер.

– Цепляют тепловоз, – сказал кто-то.

Минут через десять поезд тронулся, последний раз с надеждой взглянул в окно и... увидел свою маму. Я открыл форточку и помахал ей рукой. Она увидела меня и стала двигаться вслед за вагоном.

Я ясно видел ее слезы, текущие по щекам, носовой платочек в левой руке, платок, слетевший с головы и развевающийся на ветру. Поезд постепенно набирал скорость, а мама моя все бежала. Я вижу ее уже вдалеке и вижу, что она все еще бежит. Вдруг вижу, она споткнулась и упала. Теперь уже слезы навернулись на моих глазах, сердце сжалось. Первое, что пришло в голову, – прыгнуть с поезда и помочь ей. Я ринулся в тамбур и понял, что это невозможно: все двери были закрыты на замки...

Служил я на Дальнем Востоке, на границе, и образ моей мамы, бегущей по перрону за поездом, всегда был со мной; он и сейчас со мной... Светлая ей память.

Духи «Красная Москва»

Эпизоды моего детства часто всплывают в моей памяти. Один из них не забуду никогда. В ту весну мне было лет восемь. За неделю до женского праздника я уже четко знал, что подарю маме. Как-то я подслушал разговор мамы и соседки. Они говорили о духах.

– Какой приятный запах! – понюхав духи, произнесла моя мама.

Позже я узнал, что эти духи называются «Красная Москва».

«Обязательно куплю маме», – решил тогда я. Она сама себе эти духи ни за что бы не купила.

Жили мы в ту пору очень скромно – на одну зарплату отца, а кроме меня у родителей было еще двое детей: Сашка четырех лет да Сережка, которому еще не было и года. В доме была каждая копейка на счету, я это хорошо знал.

Самый маленький флакончик духов «Красная Москва» стоил три рубля пятьдесят копеек. Тогда это были большие деньги, особенно для мальчишки. Вначале меня эта цена сильно напугала, и я очень расстроился.

«Может, у китайца-старьевщика удастся что-то выменять», – думал я. Его приезд для детворы был праздником. Он останавливал свою лошадь с телегой посреди двора, и его тут же обступали со всех сторон. Люди отдавали китайцу старые вещи, а взамен получали воздушные шарики, свистки, вертушки, издающие звук, маленькие шарманки, расчески, зеркала и еще много разной безделицы.

Старьевщик брал старые вещи в правую руку и приподнимал, как бы взвешивая, а левой рукой одаривал своими безделушками. Нам, мальчишкам, всегда казалось, что он обманывает нас. За горсть старья он давал пару шариков. Мы возмущались, просили добавить хотя бы один шарик, но китаец был непреклонен.

– А за деньги можно? – спросил я в надежде, что за тряпье он даст деньги.

– Деньга нет, деньга нет, – дважды произнес китаец.

«Нет так нет», – думал я, удаляясь, старьевщик меня больше не интересовал. До праздника оставалось два дня, надо было что-то придумать. Где в моем возрасте пацан мог взять деньги?

Первое – это попросить у родителей. Чего я не мог сделать по причине того, что у мамы не мог попросить, а отца неделями не было дома. Второе – выиграть в 30-копеечную лотерею. Что у меня ни разу не получалось. Третий и самый простой способ – это сдать пустые бутылки, благо их принимали на каждом углу, и даже в какой-то один день недели к нам во двор приезжала машина, у которой на кузове было написано «ПРИЕМ СТЕКЛОТАРЫ».

В сарае у нас стоял почти полный мешок разных бутылок. Каждая пустая бутылка в приемном пункте стоила десять копеек. Бутылки я тут же пересчитал. На деньги, полученные за них, я вполне мог купить духи, и у меня еще останется двадцать копеек.

Не мешкая, решил действовать. Ларек, где принимали посуду, был недалеко от дома. Все сразу унести бутылки я был не в силах, поэтому пришлось сбегать в ларек два раза. Закончив с бутылками, помчался в магазин. Возвращался домой уже не спеша, в кармане у меня покоился флакончик духов «Красная Москва». Только от одной мысли, как обрадуется мама, когда ей подарю эти духи, я был безмерно счастлив. На следующий день – это было седьмое марта – во двор к нам приехала машина с надписью на кузове – «ПРИЕМ СТЕКЛОТАРЫ», приехала она совсем некстати. Соседи, гремя пустой посудой, один за другим потянулись к машине, засуетилась и мама моя. Дверь скрипнула, она вышла. Я помчался к окну: мама направлялась к сараю. В этот самый момент я куда угодно был готов провалиться, лишь бы не отвечать на ее расспросы... Мама вернулась очень быстро – видимо, она бежала.

– Валер, Валерка, – услышал я запыхавшийся голос, – где бутылки?

Я молчал.

– Где бутылки, я тебя спрашиваю, – еще громче произнесла она.

– Я их сдал, – тихо произнес я.

Воцарилась пауза, которая показалась мне вечностью.

– А где тогда деньги? – наконец произнесла она. Я по-прежнему молчал. Она перешла на крик, повторяя этот же вопрос.

– Денег нет, – с трудом выдавил я.

– Как нет?! – всплеснула руками она и стала медленно опускаться на стул. Я надеялся, что она успокоится, но неожиданно ощутил на лице сильную пощечину. Больше от обиды, чем от боли у меня из глаз брызнули слезы. Я достал из кармана флакончик с духами и, всхлипывая, произнес:

– Я купил тебе подарок.

Воцарилась тишина. Вдруг мама закрыла лицо руками и навзрыд заплакала, потом она обняла меня, прижала к себе и стала целовать...

С тех пор прошло много лет, мамы давно уж нет. Но всякий раз вспоминая этот эпизод моего детства, сердце мое сжимается и на глазах наворачиваются слезы.

Егоровы рассказы

Лучшего рассказчика, чем дед Егор, на селе не было. Умел он интересно рассказывать свои истории, тут уж нечего сказать. Умел старик довести людей своими рассказами и до смеха, и до слез. Когда он начинал говорить, все умолкали. Довелось и мне слушать Егоровы рассказы.

Манчжурия

Год назад удалось мне наконец-то побывать на своей малой родине, в далеком сибирском селе. Как-то вечером, возвращаясь с реки с рыбалки, вижу у небольшого домика почти у самой воды двух человек, сидящих на лавочке и о чем-то беседующих. Подошел я к ним поближе и вижу: сидят дед Егор да мой дядька Иван Денисович. Дед что-то рассказывал Ивану, речь шла о Дальнем Востоке, о Манчжурии. Дед Егор, увидев меня, придвинулся плотней к Ивану и произнес:

– Присаживайся, мил человек, показывай, что поймал.

Показывать мне было особо нечего, в ведерке плавало несколько небольших окуньков.

– Не велик улов-то, – протяжно произнес дед Егор.

– С утра лучше берет, ты с утречка попробуй, – добавил он.

Пожав руки деду и дядьке, я присел с ними рядом.

– Как тебе на родине? – спросил дед.

– Тихо тут у вас, река, тайга рядом, – говорю.

– Лучше этого места не найдешь, даже и не ищи, – уверенно сказал дед Егор и тут же спросил:

– А знаешь почему? Потому что это родина твоя, ты тут родился, вырос, тут предки твои жили, я так вот и помирать здесь буду, – сам на свой вопрос ответил он.

– Побывал во многих местах за свою жизнь, а дороже села этого нет для меня места. Есть места и не хуже, а вот все равно тута лучше.

– Одно из таких, наверное, Манчжурия? – спросил я.

– Манчжурия, конечно, не лучше наших мест, но она хороша по-своему собой. Давеча с Ванькой о ней говорили, довелось мне там побывать.

Дед замолчал. Пауза была небольшой.

– Сразу после войны служил я там на границе, – начал он свой рассказ.

– Вот, к примеру, Ванька, ты хоть раз в жизни видел божью коровку с копейку величиной? Нет? Ну так вот, а я видел. В Манчжурии вообще насекомые очень крупные, особенно их много в конце весны – береги глаза, – а если майский жук на лету в тебя попадет, можешь и шишку заработать.

– Будет брехать-то, – произнес Иван.

– Фома ты, Ванька, неверующий, ты бы видал, какие там кузнечики прыгают, ты бы вообще рот открыл, ну, примерно как сейчас, – и, показав рукой на приоткрытый рот Ивана, громко расхохотался.

Лицо Ивана покраснело.

– Заливай, старый, – с добродушной улыбкой сказал Иван.

– А саранча, Ванька, там – что наши лягушки, размером и цветом такие же, но только не квакают, а пронзительно стрекочут.

Дед Егор вдруг замолчал. Похлопав по карманам, достал из одного коробок спичек, из другого пачку махорки.

– Иван, дай-ка клочок на сигарку, – обратился он к дядьке. Тот достал из кармана аккуратно нарезанные небольшие газетные листочки бумаги, один протянул деду.

Взяв бумагу, дед насыпал на нее две щепотки махорки, затем, послунявив край, ловко сделал самокрутку.

– Будешь? – подавая махорку Ивану, спросил дед.

Иван молча взял. Дед Егор с дядькой закурили. Сделав несколько затяжек, дед продолжал:

– Бывало, идем по плацу, а от саранчи земли не видать, столько ее много. Идем, а сапоги аж хлюпают в раздавленной саранче. Эта зараза все на своем пути пожирала, после ее нашествия оставалась очень тоскливая картина. Правда, за свою службу в Манчжурии видел такое только один раз, – заключил дед.

– А в хорошие годы там красота, особенно весной. Все вокруг цветет и благоухает. Идешь по маршруту, а глаз не нарадуется на ту картину, которую перед собой видишь. Между сопками крупные цветы разных окрасов, тут и красные, и малиновые, и желтые, даже фиолетовые. Цветы эти там называют китайскими розами, – дед двумя пальцами притушил самокрутку и продолжил:

– Там все хорошо растет, субтропики одно слово. Конопля там с тебя ростом, Ванька, будет... Я тогда и не знал, что это анаша – курительный наркотик. Так узбек, что у нас хлебоборезом был, в курс дела меня ввел. Научил, как косячок-то делать.

– Так ты там анашу курил, дед? – спросил Иван.

– Пробовал.

– Ну и как, сильно забирает?

– Вначале, скажу вам честно, я ничего не понял, – почему-то шепотом произнес он.

– Уже возвращаясь с маршрута, мы с товарищем пыхнули косяк один на двоих, попростому говоря одну папироску. Путь наш пролегал мимо домиков, в них жили офицерские семьи. В одном из них были открыты окна, из окон доносилась очень приятная музыка, – дед хмыкнул и заулыбался.

– Так вот, слышу я эту музыку, и на душе так приятно, глянул на одно из окон, из которого доносилась музыка, и обмер, – дед сделал паузу, видя, как мы его внимательно слушаем, и, почесав затылок, продолжил:

– Из окна вижу: вылетают ноты, да цветные, все разного цвета. Нотной грамоте я не обучен, а ноты этой мелодии вижу.

– Ха-ха-ха... – не выдержал дядька и громко рассмеялся.

– Что ржешь, жеребец? На самом деле это было.

– Дед, а ну нарисуй какую-нибудь ноту, которую ты видел, – утирая слезы, выступившие от смеха, сказал Иван.

– Не веришь, Фома, на-ка вот, – дед палкой нарисовал на земле что-то похожее на ноту.

– Ну ты даешь! – весь трясаясь от смеха, с трудом выговорил Иван.

– Так вот, – продолжал старик, – эти ноты все летели из окна, пока тот дом не скрылся из виду. Тогда я сообразил, что это конопля на меня так действует. А вот после второго случая я эту дрянь больше не курил, лучше уж табачку потянуть.

– А что было во второй раз? – спросил, улыбаясь, Иван.

– А ничего, Ванька, глюки просто были.

– Иду я по маршруту, вижу такой приметный камень, прохожу метров двадцать, вижу снова точно такой же камень, хотя иду по прямой, а не по кругу. Короче, эта дурь бьет прямо по мозгам, а каков человек-то без мозгов, а, Ванька? Никаков, – заключил дед Егор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.